

ИМЕНА

Культура. — 1994. — 13 авг. — с. 8.

ШИРЕ КРУГ — КРИВОНОС ИДЕТ!

За свою почти уже в четверть века длиною жизнь на сцене Виктор Кривонос уходил из Ленинградского театра музкомедии не менее трех раз. Уходил в «Поющие гитары», уезжал в Москву, в столичную Оперетту, шел работать в Музыкальный камерный театр к Ю. Александрову, просто оставался свободным художником.

Уходил не из-за неуживчивости характера или несложившихся отношений и не в погоне за длинным рублем — хотя ведь мог бы стать «звездой» эстрады или рок-музыки, с его то голосом! И не скажешь, что уходил в поисках места, чтобы осесть где-то прочно, найдя что-то раз и навсегда, незыблемое, постоянное...

Вернее, нет, нельзя утверж-

дать, что все эти причины совсем уж отсутствовали, но они не определяли главного — желания попробовать себя в разном, потому что интересно. Вот «интересно!» и есть любимое словечко Кривоноса, тот чертик, что сидит внутри и никак не дает успокоиться, отдышаться, терпеливо подождать...

Ну разве не интересно спеть Орфея в «Поющих гитарах» —

Журбин-то специально на тебя писал?! В итоге не случилось, зато спел Асадуллин — и здорово. Иногда и от ухода польза. Пусть не тебе, не столь важно...

А разве не интересно прийти в труппу Московской оперетты? Ведь столица — возможности, коллеги какие! Оказалось — скучно, безрежиссерское существование театра — непривычно, общение с партнерами во имя подачи себя — зачем?! Зато в Москве можно поработать на телевидении. Помните передачу «Шире круг»? Четыре года вел — интересно! И на радио может быть интересно — фоновые записи «Холопки», «Фраскиты», других оперетт — есть, что вспомнить... А в оперу уйти — слабо?! В Музыкальном камерном — «Рита», «Сокол», «Пегий пес, бегущий краем моря» — Доницетти, Бортнянский, Смелков. Роли комические, последняя — трагическая: хороший был спектакль «Пегий пес»...

Так, может, делать ставку не на театр, а на спектакли? И появился «Клоп» в Москве, «Мистер Икс» в Твери — представляете, на арене цирка! Или вот К. Стрежнев позвал в Свердловск на «Любовь до гроба»... Она, то есть любовь, — давняя, еще когда этот режиссер начинал в Ленинграде, в 80-е... «Званный вечер с итальянцами», «Беспечный гражданин» — на шумевшие тогда постановки, непривычные, живые, с удивительно точным ощущением времени, стиля, жанра...

Ну, словом, интересно было тогда, интересно сейчас — например, спеть Фантома из «Призрака оперы». Таковы и судьба, и характер, и, главное, актерская индивидуальность. Оказывается, все тесно связано между собой, особенно когда стремишься работать с удовольствием. Это удовольствие, которое получает актер от игры, всегда «читается» со сцены, всегда передается в зал. Подобного ощущения нет ни на эстраде, ни на радио, телевидении, хотя и там всегда чув-

ствуется полнота отдачи. Но только в театре, как нигде больше, погружаешься в свою стихию — игры, лицедейства. Вот почему Кривонос всегда возвращается в Театр.

Пусть Петербургский театр музкомедии — не самый хороший и удачливый, прошедший через взлеты, падения и ныне переживающий далеко не лучшие времена. В этом театре и сегодня можно выйти петушистым Сильвио в «Труффальдино», спеть сложнейшую партию Камилла де Росильона в «Веселой вдове» или не менее сложную — Альфреда в «Летучей мыши». И хотя роли давно в репертуаре, что называется «впеты», сделаны актерски, но все равно можно импровизировать, «вить кружева» новых нюансов, искать новые приспособления. Можно почувствовать живую реакцию партнера, зажечься, ответить фейерверками выдумок, которые натужно не изобрести, не наметить заранее — они рождаются непосредственно здесь и сейчас...

Вот почему играть спектакли, конечно, интересно, но еще интереснее репетировать — искать, пробовать, строить, менять, придумывать, раскрывать человеческий характер в мельчайших проявлениях и поворотах и задаваться бесконечными вопросами «зачем», «почему» и «как». И при кажущейся легкости, спонтанности, непредсказуемости поведения его героев на сцене, вы всегда найдете ответы на эти «зачем» и «почему». В роли не будет пустых мест и трюков на публику. Ничего не будет «просто так», даже если каждый раз сыграно по-иному.

В общем, репетировать интересно. Но вроде бы, зачем столько — забывая о времени? Природа и так многое дала: обаяние, заразительность, голос — на зависть любому оперному тенору. Ну пой себе, как птица, тем более что напряжения никакого, лелей в себе героя, и ты — вечная примадонна мужского рода, то есть тенор-премьер. Так нет! Еще на

заре туманной юности, в начале 70-х, взялся сразу за две роли в «Сорочинской ярмарке» — Грицко и Поповича. Характеры диаметрально противоположные! И потом мог выходить то сладкоголосым и лиричным Раулем в «Фиалке Монмартра», то гордым и красивым Парисом в «Прекрасной Елене», то нелепым и жалким Расплюевым в «Свадьбе Кречинского», то Князем в «Деле», где требовались краски остро-сатирические.

А помните недалекого Антона Свинына в киноверсии «Табачного капитана»? Непосредственность и искренность всей человеческой глупости в нем были ну просто истовые, потому, может, и запомнился больше других в этом вполне картонном фильме. Жаль, что для кинематографа Кривонос пока так и остался фигурой нераскрытой — все больше озвучивал кого-то. Вот снялся в двух фильмах — «Гаджо» на темы «Алеко» и «Белое утро» по Камю, а кто и когда их видит нынче? Но сниматься было интересно.

И в театр Кривонос опять вернулся, в ту же питерскую Музкомедию, с которой все начиналось, — вдруг опять будет интересно? Правда, здание так и не отремонтировано, труппа скитается по разным площадкам, репертуар пока прежний... Но... вдруг? Ведь оперетта, сколько бы колкостей про нее ни говорить, жива, она манит в чудную музыку, романтику, светлую наивность. Ее многие любят, чуть стыдясь собственной привязанности. А Кривонос своей любви не стесняется, его человеческая природа — сродни тому искусству, которому он отдает силы и чувства. Лучшие чувства. Неужели не интересно? Прекрасно!

**Елена ТРЕТЬЯКОВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.**

● В роли Расплюева.
«Свадьба Кречинского».

Фото Ю. Истомина.